

Маркс Никандр Александрович

**Легенды Крыма Н. Маркса.
Рисунки К. Арцеулова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н62

Н62 **Никандр Александрович М.**
Легенды Крыма Н. Маркса. Рисунки К. Арцеулова / Маркс Никандр Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 48 с.

ISBN 978-5-519-95505-8

ISBN 978-5-519-95505-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

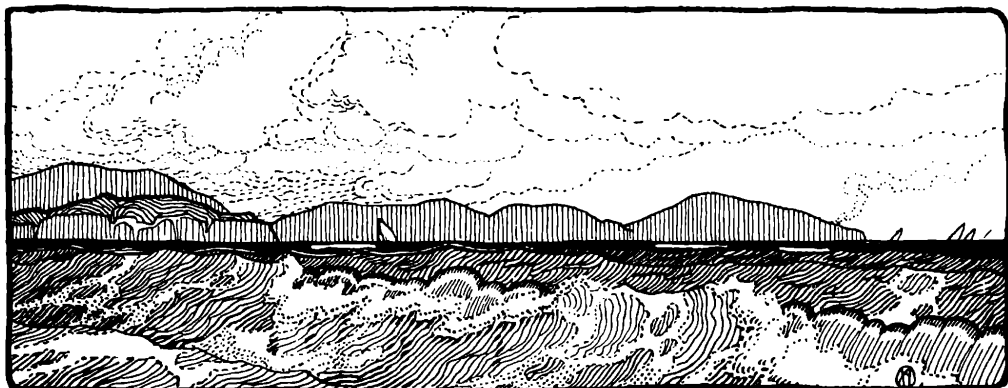
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

*Посвящаемъ первый выпускъ Легендъ Крыма вдохновительницъ
нашего труда—Жаннѣ Ивановнѣ Арцеуловой*

Н. Марксъ, К. Арцеуловъ.



ОКАМЕНВЛЫЙ КОРАБЛЬ.

(КОХТЕБЕЛЬСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Взойдите на Отлукая и поглядите на Кохтебельскій заливъ. Что за видъ! Море синюю эмалью врѣзалось въ широкій, ласковый пляжъ и слилось на горизонтѣ съ лазурью южнаго неба. Какъ крыло чайки, бросившейся въ волну, бѣлѣютъ паруса турецкихъ флюговъ, и дымокъ парохода убѣгаетъ за дальній мысъ Кіикъ-Атлама.

Ушли всѣ, и только одинъ парусъ застылъ на мѣстѣ. Дни и ночи, годы, сотни и тысячи лѣтъ онъ не движется съ мѣста. Окаменѣлъ.

И моя мать рассказывала, бывало, въ дѣтствѣ, какъ это случилось.

Святая Варвара скрывалась въ крымскихъ горахъ. По пятамъ преслѣдоваль ее старый отецъ, Діоскуръ, и, наконецъ, почти нагналъ у Сугдеи.

Но не настало еще время Варварѣ принять мученическій вѣнецъ. Одна гречанка изъ Оуль, небольшого городка между Карадагомъ и Отузами, узнавъ, что гонимая—христіанка, пріютила ее у себя; укрыла на время отъ преслѣдованія. И случилось чудо. Садъ гречанки, побитый морозомъ, вновь пышно зацвѣлъ, а глухонѣмой ея сынъ сталъ различать рѣчь. Заговорили объ этомъ кругомъ. Дошла вѣсть и до язычника-отца. Догадался Діоскуръ, кто скрывается у гречанки, и ночью окружилъ ея домъ.

Какъ была, въ одной рубашкѣ, бросилась Варвара къ окну и, незамѣченная преслѣдователями, съ именемъ Иисуса на устахъ, бросилась въ колодезь. Поддержали упавшую Божьи ангелы и отнесли подальше отъ Оуль, къ подножью Отлукая.

Въ эту ночь у Отлукая остановилась отара овецъ. Задремавшій пастухъ, молодой тавръ, былъ до-нелзя пораженъ, когда рядомъ съ собой увидѣлъ какую-то полунагую дѣвушку.

— Кто ты, зачѣмъ пришла сюда, какъ не тронули тебя мои овчарки?

И Варвара не скрыла отъ пастуха, кто она и почему бѣжала.

— Глупая ты, отъ своихъ боговъ отказываешься. Кто же поможетъ тебѣ въ горѣ и бѣдѣ? Нехорошее дѣло ты затѣяла.

Но, замѣтивъ слезы на глазахъ дѣвушки, и какъ дрожить она отъ холода, пожалѣлъ ее, завернулъ въ свой чекмень.

— Ложись, спи до утра. Ничего не бойся.

Было доброе намѣреніе у пастуха.

Прошептавъ святое слово, уснула Варвара подъ кустомъ карагача.

Раскинулись пышные волосы; разметалась вся; красавицей лежала.

И не выдержавъ пастухъ. Нехорошо поглядѣлъ на нее. Бросился къ ней съ недоброй мыслью, забывъ долгъ гостепріимства. Бросился... и остолбенѣлъ, а за нимъ застыло и все стадо. Окаменѣли всѣ. Только три овчарки, которыя лежали у ногъ святой, остались, по назначенію. Божію, охранять ее до утра.

Съ первымъ утреннимъ лучомъ проснулась Варвара и не нашла ни пастуха, ни стада. Вокругъ нея и по всему бугру, точно овцы, бѣлѣли странные камни, и между ними одинъ длинный, казалось, наблюдалъ за остальными. Жутко стало на душѣ дѣвушки. Точно случилось что. И побѣжала она внизъ съ горы, къ морскому заливу. Впереди бѣжали три овчарки, указывая ей путь въ деревню. Удивились въ деревнѣ, когда увидѣли собакъ безъ стада. Не знала ничего и Варвара. Только потомъ догадались.

У деревни, въ заливѣ, отстаивался сирійскій корабль. Онъ привезъ таврамъ разные товары и теперь ждалъ попутнаго вѣтра, чтобы вернуться домой.

Донесъ вѣтерокъ до слуха Варвары родную, сирійскую рѣчь. Пошла она къ корабленачальнику и стала просить взять ее съ собой. Нахмурился суровый сиріецъ, но, поглядѣвъ на красавицу-дѣвушку, улыбнулся. Недобрая мысль пробѣжала въ головѣ.

— Хоть и нѣтъ у насъ обычая возить съ собой женщинъ, а тебя возьму. Ливанская ты.

Радовалась Варвара, благодарила. Еще не было у нея дара предугадывать будущее.

Подуль вѣтеръ отъ берега. Подняли паруса, и побѣжалъ корабль по морской волнѣ.

Варвара зашла на мачту и сотворила крестное знаменіе. Замѣтилъ это корабленачальникъ и опять нехорошо улыбнулся.—Тѣмъ лучше! А потомъ позвалъ дѣвушку къ себѣ, въ каюту, и сталъ допытывать: какъ и что. Смугилась Варвара и не сказала правды. Жилъ въ душѣ Иисусъ, а уста побоялись произнести Его имя язычнику. И затемнились небеса; съ моря надвинулась зловѣщая, черная туча; не-

добрымъ отсвѣтомъ блеснула далекая зарница. Упала душа у Варвары. Поняла она гнѣвъ Божій. На колѣняхъ стала молить—простить ее. А навстрѣчу неслась боевая тріира, и скоро можно было различать сѣдого старика, начальствовавшего ею. Узнала Варвара гнѣвнаго отца; защемило сердце, и, сжавъ руки, стала призывать имя своего Господа.

Подошелъ къ ней корабленачальникъ. Все сказала ему Варвара и молила не выдавать отцу. Замучить ее старикъ, убѣетъ за то, что отступилась отъ вѣры отцовъ. Но, вмѣсто отвѣта, сиріецъ скрутилъ руки дѣвушки и привязалъ косою къ мачтѣ, чтобы не бросилась въ волну.

— Теперь моли своего Бога, пусть тебя Онъ выручаетъ!

Сошлись корабли. Какъ звѣрь, прыгнулъ Діоскуръ на сирійскій бортъ; схватилъ на руки дочь и швырнулъ ее къ подножью идола на своей тріирѣ.—Молись ему!

А Варвара повторяла имя Иисуса.

— Молись ему!—И Діоскуръ ткнулъ ногой съ прекрасное лицо дочери.

— За тебя молюсь моему Христу,—чуть слышно прошептала святая мученица и хотѣла послать благословеніе и злому сирійцу, но не увидѣла его.

Налетѣлъ бѣшеный шквалъ, обдалъ сирійскій корабль пѣной и точно бѣлой корой покрылъ его.

Налетѣлъ другой и на минуту не стало ничего видно. А когда спала волна, то на мѣстѣ корабля выдвинулась изъ нѣдръ моря подводная скала, точно бывший корабль.

Съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Отъ камней Варварина стада не много осталось на прежнемъ мѣстѣ. Новые люди повели по иному жизнь, и на новую дорогу пошли старые камни. Только окаменѣлый корабль остался недвижимъ.

Не дошелъ до него чередъ.

— Мама,—замѣчалъ я въ дѣтствѣ,—да вѣдь это—просто подводная скала.

— Конечно, такъ, мой мальчикъ. Подводная скала для чужихъ, а для насъ, здѣшнихъ, это—народный памятникъ христіанскъ первыхъ вѣковъ.



ЧОРТОВА БАНЯ.

(КАДЫКЪ-КОЙСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Не вѣрьте, когда говорятъ: нѣтъ Шайтана. Есть Аллахъ—есть Шайтанъ. Когда уходитъ свѣтъ,—приходитъ тѣнь. Слушайте!

Вы знаете Кадыкъ-Койскую будку? За нею гротъ, куда ходятъ испить холодной воды изъ скалы.

Въ прежнія времена тутъ стояла придорожная баня, и наши старики еще помнятъ ея камни.

Говорятъ, строилъ ее одинъ отузскій богачъ. Хотѣлъ искупить свои грѣхи, омывая тѣло бѣдныхъ путниковъ. Но не успѣлъ. Умеръ, не достроивъ. Достроилъ ее деревенскій кузнецъ-цыганъ, о которомъ говорили нехорошее.

По ночамъ въ банѣ свѣтился огонекъ, сизый съ багровымъ отсвѣтомъ. Можетъ быть въ каганѣ свѣтился человѣческой жиръ. Такъ говорили.

И добрые люди, застигнутые ночью въ пути, спѣшили обойти злополучное мѣсто.

Былъ даже слухъ, что въ банѣ живетъ самъ Шайтанъ.

Извѣстно, что Шайтанъ любитъ людскую наготу, чтобы надъ нею потомъ зло посмѣяться. Ужъ, конечно, только Шайтанъ могъ подсмотрѣть у почтеннаго отузскаго аги Талипа такой недостатокъ, что, узнавъ о немъ, вся деревня приснула отъ смѣха.

Кузнецъ часто навѣщалъ свою баню и оставался въ ней день, другой. Какъ разъ въ это время въ деревнѣ случались всякія напасти. Пропадала лошадь, тельная телка оказывалась съ распоротымъ брюхомъ, корова безъ вымени, а дикій деревенскій бугай возвращался домой понуримъ быкомъ.

Все Шайтановы штуки! А, можетъ быть, и кузнеца. Не даромъ онъ такъ похожъ на Шайтана. Черный, одноглазый, съ переднимъ клыкомъ кабана. Деревня не знала, откуда онъ родомъ, и кто былъ его отецъ; только всѣ замѣчали, что кузнецъ избѣгалъ ходить въ мечеть; а мулла не разъ говорилъ, что изъ жертвенныхъ барановъ на Курбанъ-байрамъ самымъ невкуснымъ всегда былъ баранъ цыгана; хуже самой старой козлятины.

Кохтебельскій мурзакъ, который не вѣрилъ тому, о чемъ говорили въ народѣ, проѣзжая однажды мимо грота, сдержалъ лошадь; но лошадь стала такъ горячиться, такъ испуганно фыркать, что мурзакъ рѣшилъ въ другой разъ не останавливаться.

Оглянувшись, онъ увидѣлъ,—онъ это твердо помнить,—какъ на бугоркѣ сами собой запрыгали шайки для мытья.

И много еще случалось такого, о чемъ лучше не рассказывать на ночь.

Впрочемъ, иной разъ, какъ ни старайся, отъ страшнаго не уйдешь.

У Османа была дочь и звали ее Сальгэ. Пуще своего единственнаго глаза берегъ ее старый цыганъ. Однако любви не перехитришь, и, что случилось у Сальгэ съ со-сѣдскимъ сыномъ Меметомъ, знали лишь онъ да она. Только и подумать не смѣлъ Меметь послать свата. Понималъ, въ чемъ дѣло. И рѣшилъ бѣжать съ невѣстою въ со-сѣднюю деревню. Какъ только полный мѣсяцъ начнетъ косить,—такъ и бѣжать.

И смѣялся же косой мѣсяцъ надъ косымъ цыганомъ, когда скакалъ Меметь изъ деревни съ трепетавшей отъ страха Сальгэ.

Османа не было дома. Онъ проводилъ ночь въ банѣ. Пилъ заморскій аракъ, отъ котораго наливаются жилы и синѣетъ лицо.

— Наливай еще!

— Не довольно ли?—останавливалъ Шайтанъ.—Слышишь скрипъ арбы? Это козскій имамъ возвращается изъ Мекки... И грезится старику, какъ выйдетъ завтра ему навстрѣчу вся деревня, какъ стануть всѣ на колѣни и будутъ кричать: «Святой хаджи!.. Постой, хаджи, еще не доѣхалъ!» И прежде, чѣмъ кузнецъ подумалъ, Шайтанъ распахнулъ дверь. Шарахнулись волы, перевернулась арба, и задремавшій было имамъ съ ужасомъ увидѣлъ, какъ вокругъ него зажглись сѣрные огоньки. Хотѣлъ прошептать святое слово, да позабылъ. Подхватила его нечистая сила и бросила съ размаха на полъ бани.

Нагой и поруганный, съ оплеванной бородой, валялся на полу имамъ, а гнусная животныя обливали его чѣмъ-то липкимъ и грязнымъ. И хохоталъ Шайтанъ. Дрожали стѣны бани.—То-то завтра будетъ смѣху! На колѣняхъ стоитъ глупый народъ, ждетъ своего святого, а привезутъ пья-нень-каго имама! Не стерпѣлъ обиды имамъ, вспомнилъ святое слово и очнулся на своей арбѣ, которая за это время уже отѣхала далеко отъ грота.

— Да будетъ благословенно имя Аллаха,—прошенталь имамъ и началъ опять дремать.

А въ банѣ хохоталъ Шайтанъ. Дрожали стѣны бани.

— Наливай еще,—кричалъ цыганъ.

— Пстой! Слышишь, скачетъ кто-то!—И вихремъ вынесъ нечистый пріятеля на проѣзжую тропу.

Шарахнулась со всѣхъ четырехъ ногъ лошадь Мемета, и свалился онъ съ своей ношей прямо къ ногамъ Шайтана.

— А, такъ вотъ кого еще принесло къ намъ! Души его,—крикнулъ Шайтанъ, а самъ схватилъ завернутую въ шаль дѣвушку и бросился съ ней въ баню.

Зарычалъ цыганъ и всадилъ отравленный кинжалъ по самую рукоятъ между лопатокъ обезумѣвшаго Мемета.

А изъ бани доносился вопль молодого голоса. «Будетъ потѣха, будетъ хорошо сегодня», подумалъ цыганъ и, шатаясь, пошелъ къ банѣ.

Въ невыносимомъ чадѣ Шайтанъ душилъ распростертую на полу нагую дѣвушку, и та трепетала въ послѣднихъ судорогахъ.

— Бери теперь, если хочешь!

Обхватилъ цыганъ дѣвушку желѣзными руками, прижался къ ней... и узналъ дочь...

— Згне!—крикнулъ онъ не своимъ голосомъ слово заклятья.

И исчезъ Шайтанъ. Помнилъ уговоръ съ Османомъ. Только разъ цыганъ скажетъ это слово, и только разъ сатана подчинится ему.

— Воды, воды, отецъ!

Бросился Османъ къ гроту, а гротъ весь клубился удушливыми сѣрными парами. И не могъ пройти къ водѣ Османъ. Не зналъ второго слова заклятья. Упалъ и испустилъ духъ.

Поутру проѣзжіе татары нашли на дорогѣ три трупа и похоронили ихъ у стѣны развалившейся за ночь бани.

— Чортова баня,—назвалъ съ тѣхъ поръ народъ это мѣсто.

И я хорошо помню, какъ въ дѣтствѣ, проѣзжая мимо грота, наши лошади пугались и храпѣли.

Не вѣрьте, если вамъ скажутъ: нѣтъ Шайтана. Есть Аллахъ—есть Шайтанъ! Когда уходитъ свѣтъ,—приходитъ тѣнь.



ШАЙТАНЪ • И • КИЗИЛЬ

(ТАТАРСКОЕ ПОВѢРЬЕ.)

Въ Отузахъ есть повѣрье,—въ томъ году, когда по осени уродится кизиль, быть холодной зимѣ.

И доказываютъ это примѣрами, которые у всѣхъ на памяти.

А старики объясняютъ, почему это такъ.

Когда Аллахъ, сотворившій міръ, окончилъ свою работу, на землѣ настала весна, и почки деревьевъ въ саду земного рая стали одна за другой распускаться.—

Потянулась къ нимъ вся живущая тварь, и увидѣлъ Аллахъ, что необходимо установить порядокъ. Позвалъ Онъ всѣхъ къ Себѣ и велѣлъ каждому выбрать какое-нибудь одно дерево или цвѣтокъ, чтобы потомъ только имъ и пользоваться и не ссориться съ другими.

Одни просили одно, другіе—другое. Сталъ просить и Шайтанъ.

— Подумаль, Шайтанъ?—спросилъ Аллахъ.

— Подумаль,—сказаль, скрививъ хитрымъ глазомъ, нечистый.

— Ну и что же ты выбраль?

— Кизиль.

— Кизиль! Почему кизиль?

— Такъ,—не хотѣлъ сказать правды Шайтанъ.

— Хорошо, бери себѣ кизиль,—усмѣхнулся Аллахъ.

Весело запрыгаль Шайтанъ, завиляль хвостомъ сразу въ обѣ стороны. Всѣхъ надуль. Кизиль первымъ зацвѣль изъ деревьевъ, значить раньше другихъ созрѣть его фрукта. Первая фрукта будетъ всегда самая дорогая; повезеть онъ свой кизиль на базаръ, хорошо продать, дороже всѣхъ другихъ фруктъ.

Настало лѣто, начали поспѣвать плоды: черешни, вишни, абрикосы, персики, яблоки и груши, а кизиль все не спѣть. Твердый и зеленый. Чешеть затылокъ Шайтанъ, злится.

— Поспѣвай скорѣй.

Не спѣть кизиль.

Сталь онъ дуть на ягоду; какъ пламя, краснымъ сталь кизиль, но попрежнему—твердый и кислый.

— Ну, что же твой кизиль,—смѣются люди.

Плюнулъ съ досады Шайтанъ—почернѣль кизиль.

— Дрянъ такая, не повезу на базаръ, собирайте сами.

Такъ и сдѣлали. Когда по садамъ убрали всѣ фрукты, деревенскіе люди пошли собирать въ лѣсъ вкусную, сладкую, почернѣвшую ягоду, и втихомолку подсмѣивались надъ Шайтаномъ.

— Маху далъ Шайтанъ!

Шайтанъ не потерпѣль людской насмѣшки и отплатилъ за нее людямъ.

Зналъ, что люди жадны. Сдѣлалъ такъ, что кизилю на слѣдующую осень уродилось вдвое противъ прошлогодняго и, чтобы выпѣль онъ, пришлось солнцу послать на землю вдвое больше тепла.

Обрадовались люди урожаю, не поняли Шайтановой продѣлки.

А солнце обезтеплѣло за лѣто и настала на землѣ такая зима, что позамерзали у людей сады, и сами чуть живы остались.

Съ тѣхъ поръ—примѣта: какъ урожай кизилѣ—быть холодной зимѣ, потому что не уgomонился Шайтанъ и попрежнему мститъ людямъ за насмѣшку.